

Такое неоднозначное прошлое

Вышел в свет юбилейный сборник, посвященный 50-летию видного современного историка Олега Рудольфовича Айрапетова, чьи работы по истории России XIX — начала XX века широко известны в среде его коллег. Думаю, не будет преувеличением сказать, что как эти работы, так и их автор никогда и никем из знакомых с ними не воспринимаются равнодушно. Свойственная О. Р. Айрапетову практика предельно четко и даже жестко формулировать свою позицию по любым вопросам — от академических до политических и житейских — у одних вызывает восхищение, другими принимается в штыки. При этом единственное, что никак не связано ни с его личностью, ни с его работами, — так это скука и однообразие — в этом сходятся все люди, его знающие (см. С. 5—16).

Последнее в полной мере относится и к тому кругу друзей, коллег и учеников (выпускников Исторического факультета МГУ, где О. Р. Айрапетов преподает уже более двух десятилетий), который сложился вокруг юбилея за период его академической карьеры. Эти яркие люди — от учителей Олега Рудольфовича (здесь необходимо в первую очередь назвать имя заведующего кафедрой истории южных и западных славян, профессора Г. Ф. Матвеева) до его учеников (А. В. Ганин, В. Б. Каширин), историки разных поколений и из разных стран, — объединили свои усилия — и получилась книга. Читать составившие ее работы интересно даже тем, кто далек от профессиональных занятий русской историей середины XVIII — конца XX века (эти хронологические рамки, отражающие научные интересы автора, определяют и хронологию вошедших в сборник статей). Позволю себе обязывающее высказывание: книга, объемом почти в восемь сотен страниц, не содержит ни одного (действительно *ни одного!*) проходного, формально написанного текста — ни в том, что касается тематики, ни по уровню исполнения.

Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова: сост. В. Б. Каширин. М.: ИД Регнум, 2012. 768 с. (*Selecta*, XVI).

ВЕЛИЧИЕ И ЯЗВЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Международный
научный сборник
в честь 50-летия
О. Р. Айрапетова

Издательский дом
РЕГНУМ
Москва 2012

Прежде чем приступить к анализу содержания книги, позволю себе сказать несколько слов в отношении ее общей концепции, которая — несмотря на отмеченные выше многочисленность как авторов-участников, так и представленных ими материалов, — прослеживается довольно последовательно. Суть этой концепции отражена уже в названии сборника; она — в стремлении видеть прошлое во всей его сложности и неоднозначности, не отворачиваясь ни от величия, ни от язв исторической России. Именно поэтому книгу не примут профессиональные «либералы», чьи попытки «непредвзято» оценивать прошлое страны по какой-то причине неизменно оборачиваются взглядом на это прошлое со стороны помойки. Впрочем, и записные «патриоты» едва ли останутся довольны сборником, содержание которого мало созвучно звуку победных фанфар.

Этот подход — казалось бы, единственно возможный для профессионального историка со времен Геродота — представлялся бы банальным, если бы вокруг все громче не раздавались голоса тех, кто призывает сбросить гуманитарные науки с корабля современности, оставив лишь ту их малую часть, которая приносит непосредственную «практическую» выгоду. Фундаментальное знание предлагают заменить прикладным — главным образом тем, которое востребуется всемогущими PR-технологиями, к концу XX века превратившимися в эффективное средство контроля над современными обществами. Эти технологии, выстроенные с использованием данных ряда социальных наук (прежде всего социологии и психологии), востребуют гуманитарное знание лишь в качестве источника «сырых» фактов, подлежащих неминуемой и радикальной переработке. Роль такой «каменоломни», поставщика «стройматериалов» для PR-архитекторов уготована и истории, причем едва ли не в первую очередь. На смену исторической науке как системному взгляду на прошлое и настоящее человечества в рамках описанного подхода должен прийти ряд удобных для «кукловодов» образов прошлого, вырываемых из контекста, произвольно интерпретируемых и систематизируемых, а затем всей мощью PR-технологий насаждаемых в массовом сознании в интересах заказчиков соответствующих «проектов».

Естественно, в процессе подобной «сборки» неизбежно остается куча «лишних деталей» — всего того, что обусловлено сложностью и противоречивостью процессов развития социальной, культурной, экономической и всякой другой жизни общества; после же избавления от «хлама» возникает понятная и привычная обывателю картина противостояния «наших» и «не-наших», «хороших» и «плохих» «парней». Усиливающаяся тенденция к деинтеллектуализации культуры все более агрессивно противостоит не только дискуссии, но и диалогу вообще как форме существования научного знания: выражение иной точки зрения все чаще воспринимается не как вклад в совместное движение в поисках научной истины, но как губительное вольнодумство, подлежащее искоренению. К сожалению, подобную позицию по отношению к восприятию российского прошлого все чаще занимают не только особенно ретивые администраторы, но и целые учреждения, связанные с исследованием прошлого самим характером своей деятельности.

Тем более ценным представляется свежий научный взгляд на ряд ключевых проблем прошлого России, представленный в рецензируемом сборнике. Эта свежесть проявляется прежде всего в разнообразии научных школ, в том числе зарубежных, представители которых приняли участие в работе над книгой. Обращу внимание на многочисленных представителей англосаксонской школы русистики, в числе которых такие видные исследователи, как профессора Доминик Ливен (Тринити-колледж — Кэмбридж, Великобритания), Брюс Меннинг (Университет Канзаса — США), Джон Стейнберг (Университет Южной Джорджии — США) и Дэвид Шиммельпенник ван дер Ойе (Университет Брока — Сент-Катаринс, Онтарио, Канада), историки более молодого поколения Пол Чейсти (колледж Сент-Энтони — Оксфорд, Великобритания), Дэвид МакДональд (Университет Висконсина — Мэдисон, США), Энтони Хейвуд (Университет Эбердина — Шотландия, Великобритания),

а также Пол А. Симмонс, лишь в прошлом году защитивший диссертацию по истории русской армии периода Первой мировой войны в Оксфордском университете. Сербская школа изучения истории XX века представлена Мирославом Йовановичем (Белградский университет) и Гораном Милорадовичем (Институт современной истории, Белград).

Однако большую часть сборника составили статьи историков из России, Белоруссии и Украины, в числе которых — немало соучеников и сотрудников О. Р. Айрапетова по Московскому университету, ныне — видных исследователей отечественной истории XIX—XX веков. Помимо *alma mater* юбиляра, они представляют университеты и научные учреждения не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и Чернигова (Украина), Минска (Белоруссия). В большинстве своем представляющие среднее поколение историков России, эти исследователи прошли непростой жизненный и творческий путь. Преодолев «обвал» 1990-х годов и доказав — не столько обществу, сколько самим себе, что часто было много сложнее, — обоснованность некогда сделанного профессионального выбора, они многого добились в науке — как правило (хотя и не всегда), много большего, чем в так называемой жизни.

Совсем непросто быть ученым в эпоху революции, в период глобальной смены парадигм; но еще сложнее сохранить верность своей профессии в обществе, переживающем стадию демодернизации, когда наука сплошь и рядом воспринимается как чрезмерная роскошь, а люди, служащие ей, — как социальные паразиты. Хэппиэнда не было и не предвидится. Но есть уникальный научный и жизненный опыт, есть целая гамма ответов на «вечные» вопросы, неведомых тем, кто работал в стабильные и спокойные эпохи. И наконец, есть рожденный этим опытом и этими ответами взгляд на исследуемые проблемы. В общем, историкам нашего поколения есть, чем поделиться, и содержание рецензируемого сборника — лишнее тому свидетельству.

Воздержусь от простого пересказа содержания статей, составивших книгу, — в противном случае (учитывая объем сборника и количество представленных в нем материалов) рецензия превратится в конгломерат кратких аннотаций. Обращу внимание — нет, не на лучшие по качеству статьи, поскольку «проходных» текстов в книге нет вообще, — но на те из составивших сборник материалов, которые, по моему субъективному мнению, в наибольшей степени отражают общую концепцию книги.

Прежде всего остановлюсь на большой публикации М. М. Шевченко, посвященной малоизвестной записке о положении в Остзейском крае, подготовленной министром просвещения, автором теории «официальной народности» графом С. С. Уваровым (см. С. 121—158). В блестяще написанном вступлении к публикации (см. С. 121—135) реконструирован тот сложный социально-политический и культурный контекст, в котором был создан этот уникальный в своем роде документ. Сторонники упрощенного представления о «русификаторской» политике царизма на национальных окраинах с удивлением узнают о том, какие трудности пришлось преодолеть видному николаевскому чиновнику и «реакционеру», для того чтобы... ввести для студентов Дерптского (ныне — Тартуского) университета регулярное преподавание русского языка — что, между прочим, вовсе не ограничивало сферы применения языка немецкого, на котором по-прежнему преподавались почти все предметы учебного плана. При этом ни о каком «едином фронте» «реакционеров» речи не было: генерал-жандарм А. Х. Бенкендорф, которым ныне вновь принято восхищаться, открыто покровительствовал своим остзейским землякам-немцам; в этом вопросе он стал главным даже не оппонентом, а почти врагом графа С. С. Уварова. Ему вторил другой петербургский немец — соученик А. С. Пушкина по Царскосельскому лицей барон М. А. Корф. До самой своей отставки в 1853 году С. С. Уваров был вынужден сражаться с многоголовой гидрой остзейских интриг.

Крайне интересной представляется статья Д. Шиммельпенника ван дер Ойе, посвященная образам Средней Азии в картинах великого русского художника-бата-

листа В. В. Верещагина (см. С. 159—186). Написанная с использованием исследовательских методов истории и искусствоведения, эта статья ставит под сомнение одну из «священных коров» отечественной историографии, а именно — представление об особом, «толерантном», характере отношений между христианами и мусульманами в Российской империи, будто бы резко отличавшихся от жестокой империалистической политики западных стран (прежде всего — Англии), проводившейся в XIX веке.

Между тем канадский ученый, рассматривающий творчество В. В. Верещагина в широком общеевропейском контексте, не отрицая того значительного влияния, которое на него оказали идеи Н. Г. Чернышевского, находит в нем также и те черты, которые в России традиционно приписывались лишь певцам «британского империализма» — прежде всего Р. Киплингу. «Ни кисть Верещагина, ни его перо не чуждались выражения решительных убеждений. В том, что касается Средней Азии, они включали в себя твердую веру в “цивилизационную” миссию России и долг всех цивилизованных наций нести блага просвещенного образа жизни своим менее развитым братьям». И далее: «Будучи учеником одного из самых выдающихся парижских мастеров (Ж.-Л. Жерома. — О.А.), Верещагин не мог не воспринять шаблоны ориентального искусства о восточной жестокости, фанатизме и порочности», — заключает историк (С. 186).

Видный современный славист А. Л. Шемякин аргументированно показывает степень неоднозначности личности генерала М. Г. Черняева — активного участника завоевания Средней Азии, а затем — балканских событий 1875—1876 годов, предшествовавших Русско-турецкой войне 1877—1878 годов — знаменитому Освободительному походу (см. С. 187—200). Исследователь последовательно показывает необоснованность оценок личности генерала, данных Л. Н. Толстым (сделавшим его прототипом своего Вронского) и Ф. М. Достоевским. Не самый талантливый организатор и далекий от кристальной чистоты коммерсант, М. Г. Черняев предстает в статье как человек, главной чертой натуры которого было «гигантское самоомнение с вытекающим из него отсутствием хоть мало-мальски трезвой самооценки» (С. 199).

Статья П. Симмонса о борьбе военных властей России с дезертирством и добровольной сдачей в плен в годы Первой мировой войны (см. С. 377—398) содержит ряд значимых наблюдений, ставящих под сомнение ту лубочную картину начального этапа войны, которую ныне пытаются создать представители патриотически-монархического направления в современной отечественной историографии¹. В противовес представлению о «всенародной поддержке» монархического режима оказывается, что даже в победный период осени 1914 года проблема дезертирства стояла настолько остро для властей, что к концу первой военной осени Николай II был вынужден согласиться на изменения в законодательстве, предоставившие право проведения военно-полевых судов командирам полков (для сравнения: ранее таким правом обладали лишь командующие фронтами и армиями), а в первом квартале 1915 года для наказания за самовольные отлучки была введена практика телесных наказаний (см. С. 379—380). И это еще до Горлицкого прорыва весной 1915-го, буквально обрушившего русский фронт!

К этим наблюдениям уместно добавить вывод молодого, но уже известного ученого В. Б. Каширина, чье обширное исследование о подготовке десантной операции на Босфоре в 1914—1915 годах также включено в книгу: «...история стратегических усилий России на черноморско-балканском направлении в годы Первой мировой войны является одним из важных доказательств безальтернативности военной и государственной катастрофы Российской империи в 1917 году» (С. 366). Увы, об этом свидетельствует не только история так и не состоявшегося десанта на Константи-

¹ См., например: Первая мировая или Вторая отечественная. — <http://srn.kharkov.ua/ru/multimedia/video/1963-hsm.html>

нополь, о том же говорят и многие другие страницы истории Великой войны, в том числе и не относящиеся к истории военных действий, — в частности, речь идет о сюжете из истории партии октябристов, представленном в исследовании Ф. А. Гайды (см. С. 238—269). В том же смысле весьма показательной представляется биография незаслуженно забытого русского военного деятеля генерала В. И. Селивачева, исследованная А. В. Ганиным (см. С. 411—505) и некоторые другие материалы.

Следует подчеркнуть, что в сборнике вообще широко представлены материалы, посвященные Первой мировой войне, и это совсем не случайно. Более десяти лет назад именно О. Р. Айрапетов стал одним из родоначальников нового этапа в изучении истории Великой войны, выступив инициатором издания сборника, вышедшего под его редакцией². Следует оговориться, что отдельные эпизоды из истории войны, разумеется, никогда не исчезали из поля зрения отечественных историков, однако как единое целое та война слишком долго не исследовалась так, как того требует не только одна из наших величайших национальных трагедий, но и один из узловых пунктов всей отечественной истории новейшего времени. О. Р. Айрапетов и его товарищи, а затем — и его ученики, стали заполнять эту лауну, и сегодня, к 100-летию Первой мировой, им есть, что предъяснить читателю. Шаг за шагом складывается целостное представление о событии, в рамках которого в масштабах, пожалуй, никогда ранее не виданных в русской истории, тесно и неразрывно переплелись героическое и трагическое. По существу, в настоящее время можно уже говорить об отечественной школе изучения истории Великой войны и как о круге исследователей, и как о комплексе методологических принципов и подходов к исследованию означенного явления. И вклад О. Р. Айрапетова в становление этой школы представляется несомненным.

Заключительный тематический блок составляют работы, посвященные преимущественно истории советского времени, чьи истоки, разумеется, не исчерпываются Первой мировой, но и оказываются неясными без учета генетической связи с ней. Позволю себе выделить две из них. Одна — масштабная работа А. А. Смирнова, посвященная истории «чисток» старых офицеров в Красной армии 1920—1930-х годов — явлению, которое автор метко и горько называет «социальным расизмом» (см. С. 576—609). Привлекая огромный статистический материал, исследователь наглядно показывает, как развивался процесс деинтеллектуализации командного состава. В более же широком смысле выводы А. А. Смирнова интересны с точки зрения оценки степени преемственности государственного, политического, социального устройства СССР по сравнению с дореволюционной Россией. Скупые статистические данные позволяют весьма наглядно представить себе степень перерождения «старого», шаг за шагом, медленно и болезненно, но неуклонно освобождавшего место агрессивному и активному «новому».

В заключении своего вынужденно краткого обзора упомяну также вошедшее в книгу обширное исследование М. А. Колерова (см. С. 610—711). Этот текст невозможно называть статьей — по жанру он представляет собой скорее наброски полноценного монографического исследования, посвященного западным истокам сталинизма. Очень хочется надеяться, что у автора хватит сил закончить эту огромную работу. Пока же, вынужденно избегая деталей, постараюсь представить лишь самые главные его выводы.

По мнению М. А. Колерова, в современной литературе, посвященной истории сталинского режима, ощущается явное противоречие между монбланом собранных фактов и явно уступающим ему уровнем их осмысления (см. С. 662—663 и далее). По существу, сложившееся понимание сталинизма как явления недалеко ушло от своих концептуальных истоков, первым из которых является либеральная концепция «тоталитаризма», роднящая сталинизм с нацизмом и фашизмом, а также (в некоторых случаях) возводящая его истоки к исторически враждебному Западу русскому

² См. Последняя война императорской России / под ред. О. Р. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2002.

империализму рубежа XIX—XX веков (Х. Арендт, Ф. А. фон Хайек, Л. фон Мизес и др.). Вторым же истоком оказываются идеи внутренних, марксистских противников сталинского режима (Л. Д. Троцкого и русских меньшевиков круга «Социалистического вестника»). При этом западные истоки сталинизма ограничиваются лишь марксизмом, суть которого (как принято считать) была полностью извращена Сталиным, «достойным» (или, наоборот) *недостойным* учеником и последователем Ленина, а также некоторыми (причем отнюдь не всеми) репрессивными и социально-экономическими практиками, получившими распространение в России и Германии в период Первой мировой войны (см. С. 668 и др.).

Между тем, как показывает М. А. Колеров, практика и теория сталинизма глубочайшим образом укоренены не только в отечественных (связанных с традициями и представлениями исторической России), но и западных реалиях XVIII — начала XX века. Выделяются следующие группы таких реалий:

— «промышленный переворот и капиталистическая индустриализация, опыт социально-экономической организации общества и урбанизации»;

— «военно-экономический опыт Первой мировой войны, тотальной войны на уничтожение»;

— «индустриальная “политика населения” (биополитика)»;

— традиционная для русской государственной мысли задача углубления стратегической безопасности России — создание «второго индустриального центра» в Сибири»;

— «мировая политика соединения репрессий и мобилизации принудительного труда (концентрационные лагеря)» (см. С. 629 и др.).

Наконец, по мнению автора, место сталинизма в отечественной истории определяется, прежде всего, тем, что в конечном итоге «тотальная мобилизация позволила СССР победить в тотальной войне, сохранить государственность, спасти народы СССР от биологически необратимого геноцида, приобрести вокруг своих границ зону влияния и безопасности» (С. 710). Видимо, этим фактом и следует в первую очередь объяснить ту неоднозначность образа сталинской эпохи, которую она приобрела в массовом сознании.

Прерывая на этом свой вынужденно краткий обзор, хочу подчеркнуть: ни юбиляр, ни его коллеги, подготовившие этот сборник, вовсе не собираются останавливаться на достигнутом. А значит, идеи, представленные в рецензируемой книге, получат дальнейшее развитие, воплотятся в новые, еще более глубокие и масштабные тексты.

Во всяком случае, по прочтении сборника возникает именно такое впечатление. ◆